

тальными мотивами в произведениях фигурной пластики и керамики в неолите и энеолите ⁷.

Глиняная табличка, как отметил и автор, имеет некоторые существенные отличия от табличек с минойскими надписями. Так, глиняная табличка из Бургаса лишена маленького отверстия в верхней части для подвешивания, которыми обычно снабжены таблички с минойскими надписями. В сравнении с критскими табличками бургасская табличка имеет совершенно другую схему расположения «надписи». «Надпись» находится лишь на одной из широких плоскостей таблички, тогда как у всех минойских письменных табличек призматической формы знаки надписи вырезаны на двух или более плоскостях таблички ⁸.

Могли бы быть указаны и другие существенные отличия глиняных табличек с минойскими надписями от бургасской таблички, однако это представляется совершенно излишним, так как уже и при поверхностном их сравнении несходство становится совершенно ясным.

В заключение подчеркнем, что выводы, сделанные Ив. Глебовым на основании несуществующей минойской надписи о связях Причерноморских областей с Эгейским миром до появления в этих местах греческих колоний, необходимо категорически отвергнуть.

Г. И. Георгиев

ПОНТИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПЕРИКЛА

Наукой признано, что одной из основных вех на пути установления тесных экономических взаимоотношений между Афинами и Черноморским районом, равно как и преобладания Афин в этом районе, была так называемая Понтийская экспедиция Перикла. Несомненно, что результаты этого предприятия имели первостепенное значение как для Афинского государства, так и для всего Причерноморья, в том числе и для северных его районов, и в частности, для Боспорского государства.

Ввиду того, что Понтийская экспедиция служит основанием для широких и часто, как нам представляется, неосновательных выводов, ввиду того, что многое в ней спорно и неясно, целесообразным кажется ее повторное исследование ¹.

Единственным свидетельством о морском походе Перикла в Понт является известное место из Плутарховой биографии Перикла (Plut., Per., 20). Ввиду его важности думается, что излишним будет еще раз привести указанный отрывок полностью. В нем говорится: «Войдя с большим, прекрасно снаряженным флотом в Понт, он (Перикл — *И. Б.*) выполнил все, о чем просили расположенные там эллинские города, и проявил по отношению к ним благосклонность (*φιλανθρωπία*); соседним же варварским племенам и их царям и династам он показал, как велики могущество, бесстрашие и отвага афинян, решающихся плыть, где им вздумается, и подчинивших себе все море. Синопейцам он оставил тринадцать кораблей под начальством Ламаха и воинов против тирана

⁷ М. Н о е р н е с, *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa* ³, Wien, 1925, стр. 319, рис. 1а; Г. Г е о р г и е в, Н. А н г е л о в, Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949 г., ИАИ, XVIII (1952), рис. 147 и 148; Н. П е т к о в, Гинова могила до Чelopeч, Пирдопско, РП, I (1948), рис. 53; S c h n e i d e r-L e n g u e l, ук. соч., табл. 1.

⁸ E. C h a p o u t i e r, *Les écritures minoennes au palais de Mallia*, P., 1930, табл. III—IV.

¹ Об экспедиции Перикла см. M. D u n c k e r, *Des Perikles Fahrt in den Pontus*, SPAW, 1885, II, стр. 543, сл.; ATL, III, стр. 114 сл.

Тимесилея. Когда же тот (Тимесилей) был изгнан вместе со своими приверженцами, Перикл провел через народное собрание постановление, чтобы шестьсот добровольцев из афинян поплыли в Синопу и поселились там вместе с синопейцами, поделив дома и землю, которые раньше принадлежали тиранам».

Прежде всего возникает вопрос об источнике сведений Плутарха. На это не представляется возможности дать сколько-нибудь убедительный ответ². Однако необходимо подчеркнуть полное отсутствие даже намека на мероприятия Перикла в понтийском районе у такого добросовестного историка, каким был Фукидид, современник Перикла, оставивший подробное описание всей его деятельности. Едва ли этот факт можно считать случайным. Очевидно, Фукидид, как на это справедливо указал еще Дункер (ук. соч., стр. 543), не придавал особого значения этому предприятию. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что сама по себе Понтийская экспедиция не занимала особо важного места в афинской внешней политике³, хотя результаты ее и имели первостепенное значение для Афинского государства. Факт умолчания Фукидидом о Понтийской экспедиции Перикла, как нам представляется, может иметь большое значение и для ее датировки.

До настоящего времени в науке нет единого мнения относительно времени Понтийской экспедиции. И это неудивительно, ибо единственный источник, из которого мы черпаем все сведения о ней — Плутарх, — не дает достаточного материала для ее точного хронологического определения. Единственным хронологическим стержнем, содержащимся в повествовании Плутарха, является упоминание Ламаха, который всеми исследователями с достаточным основанием отождествляется с известным стратегом, одним из афинских полководцев в экспедиции в Сицилию, где он и погиб в 414 г. до н. э.

До сих пор проблема определения возраста Ламаха к моменту его гибели была той отправной точкой, от которой отталкивалось большинство исследователей при попытках выяснения времени Понтийской экспедиции Перикла. Но, как видно, этот критерий является недостаточным для более или менее точной датировки экспедиции.

Различные ученые по-разному определяли дату рождения Ламаха, а исходя из этого и время экспедиции Перикла. Наиболее убедительна, с нашей точки зрения, аргументация Белоха⁴, который пришел к выводу, что Ламах мог родиться приблизительно в 470 г. до н. э. и, следовательно, не мог быть стратегом в Понтийской экспедиции под командованием Перикла ранее 440 г., т. е. до Самосской войны. Белох⁵, относит время экспедиции примерно к 437 г., связывая ее с основанием Амфиполи. Эта датировка с некоторыми модификациями принята большинством исследователей⁶.

² Д у н к е р (ук. соч., стр. 543) предполагал, что Плутарх опирался на свидетельство, почерпнутое из сборника псефисм Кратера. Высказывались также предположения, что источником Плутарха мог быть Эфор, см. Н. S a u p p e, *Die Quellen Plutarchs für das Leben des Perikles*, Göttingen, 1867, стр. 35, и возражения, что источником никак не мог быть Эфор, но скорее Феопомп. См. F. R ü h l, *Über die Quellen des Plutarchischen Perikles*, «Neue Jahrbücher f. Phil.», Lpz, 1868, стр. 664 сл. Однако все эти предположения относятся к числу недоказуемых и, насколько мне известно, в последнее время не делалось попыток выяснить источник Плутарха для интересующего нас пассажа.

³ Иного мнения придерживаются Ф. М и л ь т н е р (RE, XIX, 1, стб. 774) и Л. Н о т о, *Périclès*, P., 1954, стр. 188, которые полагают, что факт руководства экспедиции Периклом свидетельствует об огромном значении, придававшемся ей.

⁴ J. V e l o s h, *Die attische Politik seit Perikles*, Lpz, 1884, стр. 325.

⁵ J. V e l o s h, *Griechische Geschichte*, I, Strassb., 1893, стр. 503, сл., ср. II², 2, 1923, стр. 216.

⁶ G. V u s o l t, *Griechische Geschichte*, III, 1, Gotha, 1903, стр. 585, прим. 2; E. M e y e r, *Geschichte des Altertums*, IV³, Stuttgart, 1940, стр. 725, прим. 3—«вскоре после Самосской войны»; M. R o s t o w t z e f f, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxf., 1922, стр. 67: «в 435 году»; о п ж е, САН, VIII (1930), стр. 564: «между 437 и 435 гг.»;

С шной датировкой экспедиции, также основанной на вычислении возможного возраста Ламаха к моменту его гибели, выступили недавно авторы исследования о списках флота первого Афинского морского союза — Меритт, Уэйд-Джери и Мак Григор⁷. Они приходят к выводу, что вся совокупность тех сведений, которыми мы располагаем о Ламахе, позволяет отнести год его рождения приблизительно к 480 г. до н. э., и в таком случае он мог участвовать в Понтийской экспедиции под начальством Перикла в 450 г. Эта дата и признается авторами наиболее вероятным временем экспедиции. Вместе с тем они не отрицают и возможности датировки экспедиции временем после самосского восстания (ук. соч., стр. 368). В качестве косвенного доказательства в пользу предложенной ими датировки авторы отмечают, что Понтийская экспедиция якобы дала весьма незначительные результаты, а это объясняется ими тем, что вскоре после нее был заключен Каллиев мир с Персией. Само по себе определение возможного возраста Ламаха авторами АТЛ заслуживает внимания, но датировка экспедиции Перикла в Понт временем до заключения Каллиева мира, как нам представляется, не является достаточно аргументированной и не может быть признана достаточно убедительной⁸. К тому же едва ли можно согласиться с утверждением, что результаты экспедиции были невелики.

Таким образом, одно лишь определение возраста Ламаха, которое, как это видно, допускает возможность различных толкований, не может дать достаточно убедительных и веских данных для датировки Понтийской экспедиции.

Еще одна датировка этой экспедиции была предложена М. Дункером (ук. соч., стр. 541), приведшим для ее обоснования косвенные свидетельства. Основываясь на сообщении Плутарха о том, что Перикл противодействовал стремлениям своих сограждан снова захватить Египет, и на соображениях, связанных с усилением могущества скифов и фракийцев в это время, Дункер пришел к выводу, что Понтийская экспедиция была вызвана, с одной стороны, стремлением отвлечь внимание афинян от Египта, а с другой — просьбами понтийских городов о помощи против усилившегося могущества скифов и фракийцев. Датирует Дункер экспедицию весной и летом 444 г. до н. э. Относительно этой датировки давно было высказано мнение, что она основана хотя и на остроумной, но недостаточно обоснованной комбинации⁹.

Наиболее ранняя датировка Понтийской экспедиции была предложена Вейдзекером¹⁰. На основании убеждения в том, что Плутарх в 19—20 главах биографии Перикла говорит о военных походах последнего, хронологически тесно связанных друг с другом, автор датирует экспедицию в Понт 455—451 гг. При этом он называет свое определение времени экспедиции Плутарховой датировкой. Но необходимо иметь в виду, что, как это уже давно показано исследователями¹¹, тщетными были бы поиски какой-либо хронологической последовательности или связи в повествовании Плутарха. Для него хронологическая последовательность не имела значения, поскольку исторические

Ф. Адсоок, САН, V (1927), стр. 174: «около 437 года»; G. G l o t z, Histoire grecque, II, P., 1931, стр. 211 и Номо, ук. соч., стр. 188: «в 437 г.»; F. M i l t n e r, ук. соч., стб. 774 сл.: 436/5 г.; G. D e S a n c t i s, Pericle, Milano, 1944, стр. 178 и A. W. G o m t e, A Historical Commentary on Thucydides, I, Oxf., 1945, стр. 368—в 435/4 г.; В. П. Невская, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1954, стр. 85: «во всяком случае после самосского восстания» и т. д.

⁷ АТЛ, III, стр. 114 сл. Эту датировку поддерживает James H. O l i v e r, The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles, «Historia», VI, Hf. 2, Wiesbaden (1957), стр. 254—255.

⁸ Соображения против датировки экспедиции временем до Каллиева мира были высказаны Гоммом. См. G o m t e, ук. соч., стр. 332, прим. 2 и стр. 367 сл.

⁹ См. В. В. Л а т ы ш е в, Исследование об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 46 сл.

¹⁰ См. A. W e i z s ä c k e r, Untersuchungen über Plutarchs biographische Technik, «Problemata», Hf. 2 (1931), стр. 44 и 85 сл.

¹¹ См. S a u r p r e, ук. соч., стр. 8; G o m t e, ук. соч., стр. 378.

факты привлекались им лишь с подсобной целью, с целью иллюстрации тех или иных сторон характера лица, биография которого писалась. Сам Плутарх говорит о своем методе в первой главе биографии Никия, что он лишь вкратце коснется «необходимых исторических событий, чтобы не казаться совершенно небрежным и нерадивым». Отсюда естественно у Плутарха вытекает хронологическая непоследовательность. События у него безвременны. Для обрисовки различных сторон личности того или иного деятеля им привлекались подходящие для этого, с его точки зрения, разновременные факты. Поэтому насколько бы остроумными ни были комбинации Вейцекера (а он их так и называет: «комбинации А, В и С»), они не могут быть сочтены убедительными.

Необходимо, наконец, указать на точку зрения Б. Н. Гракова (МИС, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238), который предполагает, что следует различать несколько экспедиций афинян в Понт во времена Перикла. Первую экспедицию, организованную, по его мнению, по просьбе греческих городов Понта для «водворения порядка», Б. Н. Граков предлагает датировать временем около 445 г., вторую — для вывода колоний — возможно, серединой 30-х годов V в. Однако эта интересная точка зрения никак автором не аргументирована, и поэтому она не может быть безоговорочно принята, тем более, что какие-либо свидетельства в ее пользу полностью отсутствуют.

Таким образом, существует широкий диапазон датировок Понтийской экспедиции от 455 до 435/4 гг. до н. э.

По-видимому, единственным путем попытки более точной и достоверной датировки экспедиции является путь привлечения косвенных данных. И здесь, как нам представляется, необходимо прежде всего попытаться объяснить умолчание о ней в труде Фукидида. Без такого объяснения, очевидно, нельзя правильно понять ни места этой экспедиции в афинской внешней политике, ни дать правильную ее датировку.

Думается, что рассказ Плутарха о Понтийской экспедиции Перикла следует поставить в связь с повествованием Фукидида о борьбе Афин против восставшего Самоса, которая велась под предводительством Перикла (Thuc., I, 116 сл.; ср. Plut., Per., 25 сл.)¹². Правда, Фукидид сообщает только о действиях Перикла в районе Самоса и Кавна. Перикл в борьбе против Самоса имел в своем распоряжении огромный флот¹³.

Фукидид ничего не сообщает о действиях Перикла против Византии, который, как известно, примкнул к восставшему Самосу и также отложился от Афин. Он указывает лишь, что Византий «также» обязался «оставаться по-прежнему» подданным Афин после того, как самосцы были покорены. Однако имеются все основания полагать, что Перикл со своим флотом побывал и в Византии и покорил его силой. В нашем распоряжении имеется эпиграфический документ, позволяющий говорить о том, что византийцы пришли к решению оставаться подданными афинян не добровольно, но были к этому принуждены военной силой. Речь идет об афинской надписи — списке воинов, павших в Геллеспонте (IG, I², 943). Еще первоиздатель надписи Куманудис датировал ее периодом Самосской войны, 440/39 г. Эта датировка была затем поддержана, и возражения против нее опровергнуты таким авторитетным эпиграфистом, каким являлся Адольф Вильгельм¹⁴. В этом списке, содержащем 58 имен павших воинов, 30 относятся к погибшим в Византии (ἐν Βυζαντίῳ).

¹² A. Zimmern, *The Greek Commonwealth*, Oxf., 1924, стр. 362, прим. 4, указывает, что, хотя никакой даты Понтийской экспедиции в источниках не дано, мы уверенно можем ее связывать с событиями 439 года, т. е. с разгромом Самоса.

¹³ Фукидид перечисляет в общей сложности 215 кораблей афинян и их союзников — хиосцев и лесбосцев (ср. Isocr., XV, 111 : 200 судов ἀπὸ διακοσίων ἑβδόν). Можно предполагать использование этого флота для Понтийской экспедиции: ср. De Sais, ук. соч., стр. 179; ср. Plut., Per., 20: στόλῳ μεγάλῳ. Непонятно, на чем основана точка зрения авторов ATL, III, стр. 116, которые почему-то полагают, что в морском походе Перикла в Понт участвовало не более 50 судов.

¹⁴ См. A. Wilhelm, «Jahreshefte d. Österr. Arch. Instituts», II (1899), стр. 224, прим. 1; ср. A. Vriesacker, AM, XXXV (1910) стр. 212. Эту же датировку при-

Самос капитулировал, по-видимому, весной или ранним летом 439 г. (см. АТЛ, III, стр. 179). Тогда же был покорен и Византий. Следовательно, Перикл мог быть в Черноморских проливах летом 439 г. Учитывая благоприятные условия для плавания по Черному морю в это время года и имея своей основной базой Византий, Перикл мог отправиться на некоторое время в прилегающие к Черноморским проливам прионтийские области и дойти вдоль южного берега до Синопы и Амиса, преследуя при этом различные цели, о которых будет сказано ниже.

Сообщение Плутарха о морской экспедиции Перикла в Черное море, как нам представляется, логически примыкает к рассказу о его действиях против Самоса. И хотя в биографии рассказ об этой экспедиции по композиционному мотиву предшествует повествованию о борьбе Перикла против восставшего Самоса, он является его естественным продолжением. Но понтийская экспедиция с точки зрения афинян, с точки зрения всей афинской внешней политики того времени, которая видела важнейшую и первостепенную задачу в покорении отпавших союзников и в борьбе с дальнейшими центробежными тенденциями союзных городов, была не столь значительным событием, чтобы Фукидид счел нужным о ней особо говорить. Основной задачей экспедиции Перикла было покорение отложившихся союзников. Фукидид поэтому и сообщает лишь то, что с этой задачей было связано, а именно, что после покорения Самоса и византийцы обязались подчиниться Афинам и оставаться по-прежнему их подданными, о дальнейшем же ходе экспедиции, выходявшем за рамки этого главного, не сообщает ничего. Вхождение флота Перикла в Понт и его действия в Синопе и, вероятно, Амисе были лишь эпизодом этого большого мероприятия, его заключительным этапом.

По-видимому, подобное толкование Понтийской экспедиции дает единственную возможность объяснить отсутствие упоминаний о ней в античной литературной традиции и прежде всего у Фукидида¹⁵.

Таким образом, как нам представляется, н а и б о л е е в е р о я т н о й д а т о й Понтийской экспедиции является лето 439 г. до н. э.

Нет никаких оснований сомневаться в достоверности сообщения Плутарха об экспедиции Перикла в Понт, но необходимо решить, какие выводы можно сделать, основываясь на этом кратком известии.

Плутарх ничего не говорит о причинах, вызвавших экспедицию Перикла в Понт, и это дает широкий простор для построения различного рода гипотез, часто весьма сомнительных. Одна группа ученых считает причиной похода афинян в Черное море события, развернувшиеся в начале 30-х годов V в. на Боспоре. В последнее время эта точка зрения наиболее ярко выражена П. Клоше¹⁶.

Плутарх ничего не говорит о причинах, вызвавших экспедицию Перикла в Понт, и это дает широкий простор для построения различного рода гипотез, часто весьма сомнительных. Одна группа ученых считает причиной похода афинян в Черное море события, развернувшиеся в начале 30-х годов V в. на Боспоре. В последнее время эта точка зрения наиболее ярко выражена П. Клоше¹⁶.

15 Хорошо известно, какое огромное значение в Афинах придавалось покорению Самоса, какую опасность для Афин представляло самосское восстание. Фукидид (VIII, 76, 4) говорит, что Самосское государство «во время войны чуть не отняло у афинян владычество на море». Ср. P l u t., Per., 28; см. также E. W i l l, Notes sur la défection de Byzance en 440—439; «Bull. de la fac. des lettres de Strasbourg», 1948, № 5, стр. 145 сл. Учитывая это обстоятельство, станет понятным, почему в литературе Понтийская экспедиция не оставила сколько-нибудь заметного следа, если согласиться, что она была эпизодом Самосской войны.

16 P. C l o c h é, Périclès et la politique extérieure d'Athènes entre lapaix de 446—445 et les préludes de la guerre du Péloponnèse, «L'Antiquité Classique» XIV, 1(1945), Brux., 1946, стр. 93 слл.

Он полагает (ук. соч., стр. 118 сл.), что причиной экспедиции была просьба о помощи со стороны Спартока, узурпировавшего власть на Боспоре после свержения Археонактидов и пуждавшегося во внешней помощи для упрочения своей власти. Связь между экспедицией Перикла и самосским восстанием Клоше отрицает. Эта точка зрения не может быть подкреплена никакими данными. Другое объяснение причин, побудивших афинян отправить эскадру в Понт, и, как представляется, гораздо более убедительное, содержится в монографии Делькур о Перикле¹⁷. Делькур указывает (ук. соч., стр. 154), что отпадение Византия в 440 г. показало Афинам, насколько острой была проблема хлебного обеспечения Афин, и поэтому после усмирения Самоса Перикл решил укрепить позиции Афин в понтийском районе и отправился во главе афинского флота в Черное море.

Говорить о целях предприятия Перикла можно лишь предположительно. По-видимому, в широком смысле, они заключались в укреплении афинских позиций и авторитета Афин в жизненно важном для них понтийском районе, в демонстрации силы и могущества Афин. Такая демонстрация была особенно необходима после недавних потрясений, испытанных Афинской державой в результате самосского восстания. Пример Самоса мог быть и был в действительности заразителен. Очевидно, дело не ограничивалось одним лишь присоединением Византия к восставшему Самосу, а к восстанию примкнули в более или менее активной форме и другие города, например карийские¹⁸. Самосское восстание, безусловно, имело широкий отклик и пользовалось сочувствием; под его влиянием некоторые из афинских союзников в дальнейшем отлагались от них¹⁹. Попытка, правда неудачная, Византия выйти из-под контроля Афин была серьезным предостережением для последних. Отпадение Византия, безусловно, должно было весьма отрицательно сказаться на экономике Афин. По-видимому, недостаточным было укрепление подступов к проливам только со стороны Эгейского моря; существовала необходимость укрепить их также со стороны Черного моря.

Может быть, прав Б. Н. Граков (МИС, стр. 238), полагая, что экспедиция Перикла была совершена по просьбе греческих поселенцев, осевших на берегах Черного моря, но это предположение нуждается в дополнительных доказательствах. Слова Плутарха о том, что Перикл «выполнил все, о чем просили его расположенные там эллинские города», можно понимать и в том смысле, что он выполнил те просьбы, которые были к нему обращены во время пребывания в этих городах. С чем были связаны эти просьбы, сказать трудно. Возможно, отчасти они были связаны с борьбой различных группировок внутри самих городов, с борьбой демократических элементов в них за власть, а также с соперничеством и спорами греческих городов друг с другом. С другой стороны, и, вероятно, главным образом, эти просьбы были связаны с предоставлением помощи против варваров, прежде всего пиратов, которым Перикл «показал, как велики могущество, бесстрашие и отвага афинян, решающихся плыть, где им вздумается, и подчинивших себе все море».

В. Д. Блаватский²¹, отмечая, что политика Афин в Понте была направлена против местных племен, и связывая это с политической обстановкой на Боспоре в начале 30-х годов V в., вновь высказывает предположение о причинной связи династий на Боспоре с Понтийской экспедицией Перикла. Воцарение Спартока рассматривается как победа «партии», враждебной Афинам. Следовательно, Понтийская экспедиция, согласно этой точке зрения, была направлена против Спартока. В науке высказано и иное предположение. Меритт и соавторы (ATL, III, стр. 116) полагают, что экспедиция

¹⁷ M. Delcourt, Périclès, P., 1940.

¹⁸ См. G. Busolt, Der Phoros der athenischen Bündner, «Philologus», XLII (1882), стр. 673 сл.

¹⁹ Там же, стр. 717.

²⁰ См. В. Д. Блаватский, Архангелский Боспор, МИА. 33 (1954), стр. 43; ср. В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, 1955, стр. 101.

Перикла могла быть направлена не против Спартока, а против Археанактидов. Выше приводилась точка зрения Клоше, согласно которой экспедиция была совершена по просьбе Спартока. Примерно такого же мнения придерживается и Омо (ук. соч., стр. 189), который полагает, что Спарток вступил в дружественные сношения с Периклом во время пребывания последнего в Понте. Чтобы получить признание и поддержку афинян, необходимую для укрепления власти новой династии, Спарток, по мнению Омо, предоставил Афинам ряд привилегий в хлебной торговле и открыл двери для широкого импорта изделий афинского ремесла.

Действительно, хронологическая связь смены династий на Боспоре с экспедицией Перикла не может не броситься в глаза. Вполне возможна поэтому причинная связь этих событий. Однако следует ли из этого обязательно, что флот Перикла посетил Северное Причерноморье, в частности Боспор? Этот вопрос будет рассмотрен ниже. Во всяком случае, приходится признать, как на это справедливо указывает В. Ф. Гайдукевич²¹, что полное отсутствие каких-либо конкретных данных не позволяет идти дальше более или менее вероятных гипотез.

Следующий вопрос, который требует ответа, — это вопрос о том, можно ли на основании краткой заметки Плутарха решить, к какому району Причерноморья относились действия экспедиции Перикла.

Плутарх определенно указывает лишь на мероприятия Перикла в Южном Причерноморье, а именно, в Синопе. Тем не менее, современные исследователи склонны толковать сообщение Плутарха расширительно, распространяя его на все Причерноморье, в том числе и прежде всего на Боспор. С экспедицией Перикла в Понт современные исследователи связывают и определенные события в Северном Причерноморье — смену династий на Боспоре, о чем говорилось выше, основание или захват северопричерноморских городов (колоний) и т. д.²²

Однако следует заметить, что для подобных выводов, несмотря на всю их заманчивость, имеющийся материал не дает достаточных оснований. Напротив, ряд соображений заставляет прийти к выводу, что посещение северных берегов Понта флотом Перикла во время Понтийской экспедиции является мало вероятным и что скорее всего действия экспедиции ограничивались районами, прилегающими к черноморским проливам, важнейшей артерии Афинского государства²³.

Обратимся прежде всего к самому источнику. В глаза бросается полное отсутствие в нем упоминаний о деятельности Перикла на северных берегах Понта, в то время как о его деятельности на юге (Синопа) говорится если и не подробно, то во всяком случае достаточно определенно. Можно ли это считать случайностью? Думается, что нет. К моменту экспедиции экономические связи Афин с Северным Причерноморьем имели уже достаточно длительную историю и были весьма тесными. Это хорошо известно хотя бы на основании обширного археологического материала, который дает все основания утверждать, что торговля Афин с понтийским районом, в частности с Северным Причерноморьем, была оживленной по крайней мере со второй половины VI века до н. э. Интерес

²¹ См. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 496, прим. 27.

²² См. С. А. Ж е б е л е в, СП, стр. 181, а также И. Б. Б р а ш и н с к и й, К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э., ВДИ, 1955, № 2, стр. 151 сл.

²³ К осторожности в решении вопроса о действиях Перикла в Северном Причерноморье неоднократно призывал Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 24, прим. 2; 64, прим. 2; 316, прим. 1. М. И. М а к с и м о в а, Античные города юго-восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 151, на основании изучения вопроса о времени освоения краткого пути через Черное море приходит к выводу, что гипотеза о посещении Периклом северного берега Понта является мало вероятной, так как его корабли, по всей видимости, не могли еще пользоваться кратким морским путем. См. также Б р а ш и н с к и й, ук. соч., стр. 151 сл.; ср. I. В. В r a s c h i n s k i, Zur politischen Lage Nymphaions in der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. u. Z., BCO, 1956, Hf. 2, стр. 80.

в Афинах к Северному Причерноморью был чрезвычайно велик и в середине V века до н. э.²⁴ Имея в виду сказанное выше, а также то, что Северное Причерноморье, вероятно, уже в середине V века было одним из основных поставщиков хлеба в Афины²⁵, совершенно невозможно как-либо оправдать умолчание Плутархом или его источником о действиях Перикла или даже просто о самом факте его пребывания на севере Понта, если бы это в действительности имело место. Таким образом, очевидно, следует признать, что факт умолчания Плутархом, а также всеми прочими источниками о пребывании Перикла в районах Северного Причерноморья свидетельствует в пользу предположения о том, что сфера действий экспедиции ограничивалась районами, расположенными на ближних и дальних подступах к Черноморским проливам и не распространялась на север Черного моря.

Приходится, однако, согласиться, что один лишь факт умолчания является недостаточным аргументом для доказательства предложенной гипотезы. Но если в нашем распоряжении нет прямых свидетельств в пользу предлагаемой гипотезы, то некоторые выводы, повидимому, можно сделать на основании косвенных свидетельств. И здесь прежде всего представляется необходимым выяснить основные принципы внешней политики Перикла.

Данные источников рисуют Перикла как полководца и политика чрезвычайно осторожного, не склонного идти на рискованные предприятия, на авантюристическую политику. Фукидид дважды (I, 144, 1, и II, 65, 7) вкладывает в уста Перикла слова о том, что условием победы афинян в Пелопоннесской войне, в числе других, является отказ от стремления к расширению своего владычества (*καὶ ἀρχὴν μὴ ἐπιχρῶμένους*). Эту же черту внешней политики Перикла — отказ от новых завоеваний — отмечает и Плутарх (Per., 21), возможно, использующий здесь Фукидидов. Плутарх пишет, что «все силы афинского государства он (Перикл. — И. В.) обратил главным образом на защиту и упрочение уже имеющегося». Перикл сдерживал стремления афинян к дальнейшей экспансии: он препятствовал попыткам нового захвата Египта и организации восстаний в приморских владениях персидского царя; оказывал противодействие стремлению своих сограждан овладеть Сицилией, Этрурией и Карфагеном (Plut., Per., 20)²⁶, понимая, что эта «чрезмерная» экспансия может оказаться губительной для Афин. Предполагаемая экспансия Афин на север Черного моря, в далекий Боспор Киммерийский, на самую окраину эллинского мира, никак не согласуется с приведенными выше свидетельствами о внешнеполитическом курсе Перикла.

Политика Перикла по отношению к Северному Причерноморью, одному из основных источников продовольствия Афин, по всей вероятности, должна была быть такой же, как и по отношению к другим основным источникам хлеба — Сицилии и Египту.

Плутарх (Per. 15), источником которого в данном случае является Платон (Alcib., 104 B), указывает на то, что Перикл властвовал как над греками, так и над варварами не только путем их прямого подчинения, но установленном дружественных отношений с царями и союзами с династами (*διὰ... καὶ φιλίας βασιλέων καὶ συμμαχίας πεφραγμένων δυναστῶν*). Думается, что именно на таких основаниях строились отношения Перикла и с боспорскими правителями.

Все сказанное, разумеется, не означает, что мы хотим изобразить Перикла миротворцем, а внешнюю политику Афин его времени как миролюбивую. Она была агрессивной, но не авантюристической, она вытекала из трезвого расчета своих сил и возможностей. Попытка же захватов в Северном Причерноморье являлась бы явной авантюрой, противоречащей трезвой и осмотрительной политике Перикла.

²⁴ На это указывает, например, скифский рассказ Геродота, особенно IV, 99, где проводится сравнение Аттики с Таврикой. См. Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 315, прим. 2; Д. П. К а л л и с т о в, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 118.

²⁵ См. A. G r u n d y, Thucydides and the History of his Age, L., 1948², стр. 161.

²⁶ Ср. P l u t., Alcib., 17: «Афиняне рвались в Сицилию еще при жизни Перикла и взялись за дело после его смерти».

Необходимо учесть и другое соображение. Поход в Северное Причерноморье в середине V в. до н. э. был предприятием далеко не столь простым, как это может показаться на первый взгляд. В интересующее нас время мореплавание было в основном каботажным²⁷. Как убедительно показала М. И. Максимова (МИА, 33 (1954), стр. 51), краткий путь через Черное море был освоен греками не ранее первой половины IV века до н. э. или, может быть, в конце V в. Следовательно, во времена Перикла плавание по Понту, так же как и по другим морям, оставалось, по всей вероятности, каботажным. Это, разумеется, не значит, что полностью отрицается возможность попыток, иногда, может быть, удачных, отдельных смельчаков плыть через Черное море напрямик. Это, по всей вероятности, могли быть только торговые корабли, а не военные, так как первые обладали значительно лучшими мореходными качествами, чем военные²⁸. Огромный же флот Перикла, флот безусловно военный, не мог пересечь Черное море прямым путем. Таким образом, поход Перикла к северным берегам Понта потребовал бы, помимо всего прочего, еще и немалого времени. Если допустить, что Перикл из Боспора Фракийского (Византия) направился вдоль южного берега Черного моря в Синопу, где он, вероятно, задержался некоторое время, устраивая дела афинян, оттуда, по всей вероятности, далее на восток до Амиса, где афинский флот тоже скорее всего провел некоторое время, и затем отправился обратно на запад к проливам и далее вдоль западного берега к Северному Причерноморью²⁹, то оказалось бы, что экспедиция продолжалась в течение очень длительного времени. Напомним, что мы к тому же исходим из предположения, что Понтийский поход Перикла был прямым продолжением его мероприятий по подавлению самосского восстания. Нам кажется более чем сомнительным, чтобы Перикл мог отлучиться на такой длительный срок из Афин, где он в это время фактически правил единолично³⁰. К сказанному следует добавить, что плавание по Черному морю было связано с большими трудностями, особенно после наступления осенних бурь, когда связь Средиземноморья с Северным Причерноморьем фактически прерывалась до следующей весны³¹. Напомним также, что экспедиция Ламаха в Понт в 424 г. до н. э. окончилась полной неудачей, во всяком случае, отчасти по причине неблагоприятной погоды (Thuc., IV, 75, 1—2; ср. Just., XVI, 3, 9—10).

Следующий вопрос, который требует ответа, — это вопрос о том, имело ли для афинян вообще смысл добиваться силой территориальных приобретений в Северном Причерноморье, в частности, на Боспоре. Решение этого вопроса представляется особенно важным, потому что, как уже отмечалось выше, именно с Понтийской экспедицией Перикла обычно связывают имевший якобы место захват афинянами Нимфея на Боспоре, основание там якобы афинских колоний Афинеона и Стратоклея. Некоторые ученые идут

²⁷ См. М. И. Максимова. Краткий путь через Черное море, МИА, 33 (1954), стр. 48; она же, Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 151.

²⁸ См. сб. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 322, а также А. W. G o m e, A forgotten factor of Greek Naval Strategy, JHS, 53 (1933), стр. 17.

²⁹ Возможность плавания далее на восток скорее всего следует отвергнуть, так как восточное и юго-восточное побережья Понта были очень редко населены греками. Греческие города отстояли друг от друга на значительных расстояниях, следовательно, для флота не было необходимых баз (см. Максимова, МИА, 33 (1954), стр. 55, прим. 1). Военный флот того времени, как уже отмечалось, не мог обходиться без более или менее удобных ежедневных стоянок. Восточное же и юго-восточное побережья Черного моря были лишены удобных естественных гаваней, не говоря уже об искусственных.

³⁰ См. Thuc., II, 65, 9. Ср. Plut., Per., 9 и 16; Plut., Alcib., 104 B.

³¹ См. [D e m.], XXXIV и XXXV, а также R. S a r g e n t e r, The Greek Penetration of the Black Sea, AJA, 52 (1948), стр. 1 сл.; В. W. L a b a r e e, How the Greeks sailed into the Black Sea, AJA, 61 (1957), стр. 29 сл.

еще дальше, полагая, что Афинами во время Понтийской экспедиции были подчинены почти все боспорские города, в том числе и Пантикапей³² и даже Танаис³³.

Надо полагать, что объективно для Афин не имело смысла силой подчинять себе территории в Северном Причерноморье. При этом мы вовсе не хотим отрицать самой возможности стремления афинян к территориальным приобретениям на севере Понта, так как со всей очевидностью можно утверждать, что оттуда еще в V в. до н. э. поступала значительная часть импортируемого Афинами сельскохозяйственного сырья. Важно другое: существовала ли реальная возможность и необходимость в подобных захватах или приобретениях? Думается, что нет. Трезвая оценка существующего положения должна была удерживать афинян от столь рискованных предприятий; такой осторожный, трезвый и дальновидный политик, каким был Перикл, не мог, как нам кажется, пойти на подобную авантюру. Все дошедшие до нас источники, как письменные, так и вещественные, характеризуют взаимоотношения Северного Причерноморья с Афинами как неизменно дружественные и тесные. Правда, письменные источники относятся либо к IV в., либо к самому концу V в. до н. э. Нет, однако, никаких оснований сомневаться в том, что и в предшествующее время эти отношения были такими же. Северопричерноморский, и прежде всего боспорский, хлеб беспрепятственно поступал на афинский рынок. Господствуя на Черноморских проливах, Афины были фактическими хозяевами понтийской торговли³⁴. И хорошо известно, каким образом афиняне использовали это свое господствующее положение. Вспомним хотя бы введение института геллеспонтофилаков вскоре после начала Пелопоннесской войны. При подобном положении вещей Афины были кровно заинтересованы во всемерном укреплении своей власти над Черноморскими проливами, для чего было необходимо создать опорные пункты на подступах к ним как со стороны Эгейского моря, так и со стороны Понта Евксинского. Думается, что именно в этом и заключалась понтийская политика Афин времен Перикла, равно как и в последующее время. В этих условиях для Афин не было необходимости в территориальных приобретениях в отдаленных местностях Причерноморья, отстоящих на больших расстояниях от проливов. С другой стороны, территориальные захваты в Крыму, в частности, на Боспоре Киммерийском, могли бы привести к столкновению с господствовавшей там властью. В таком столкновении афиняне не могли быть заинтересованы, так как исход его вряд ли мог быть благоприятным для них, или, во всяком случае, был очень сомнительным. Подчинение и более близких территориально к Афинам понтийских городов было делом, связанным с большими трудностями. Это видно хотя бы из рассматриваемого рассказа Плутарха о Понтийской экспедиции Перикла (Plut., Per., 20). Перикл, согласно сообщению Плутарха, оставил в Синопе 13 триер и военный отряд под командованием Ламаха против правившего там тирана Тимесилея. Когда же тот был изгнан вместе со своими единомышленниками (а это произошло, по всей видимости, уже после отплытия Перикла), Перикл, бывший уже в Афинах, провел через народное собрание постановление об отправке в Синопу 600 афинских клерухов из добровольцев для укрепления там власти Афин. Этот эпизод показывает, что подчинение таких отдаленных городов, как понтийские, было делом, требовавшим большого напряжения сил и готовности идти на вооруженные столкновения.

Ряд ученых связывает с экспедицией Перикла в Понт опубликованный в 1921 г.³⁵

³² См. например, E. S. G. Robinson, «Hesperia», Suppl., VIII (1949), стр. 336.

³³ Нотто, ук. соч., стр. 189.

³⁴ См. P. S. Xen., Resp. Ath., II, 3 и 11.

³⁵ См. J. J. Hondius, «Mnemosyne», XLIX (1921), стр. 202—204, № 2. Восстановление Гондиуса ἐν Σινύπῃ было принято в editio minor первого тома IG. Правда, недавно А. Раубичек («Hesperia», XII (1943), стр. 25 слл.), публикуя два новых фрагмента, относимых им к этой надписи и найденных в 1936 г. в раскопках афинской агоры, высказался в пользу восстановления вместо ἐν Σινύπῃ—ἐν Ἀλλίπῃ, предложенного в качестве одного из возможных еще А. Вильгельмом. Это восстановление в настоящее время принято авторами ATL (III, стр. 117, прим. 9). Однако аргументация Раубичека, с нашей точки зрения, не является достаточно убедительной.

фрагмент афинской надписи — списка павших воинов, в котором упоминаются и погибшие в Синопе (ἐν Σινύπῃ) афинские граждане и наемники (IG, I², 944).

Для обеспечения власти над городами Северного Причерноморья Афинам потребовались бы значительные военные силы, и прежде всего постоянный крейсерский флот в Понте. Располагали ли афиняне подобными силами во времена Перикла, не говоря уже о более позднем времени? Думается, что в условиях назревания серьезного конфликта со Спартой, требовавшего мобилизации всех сил и ресурсов, афиняне подобными силами не располагали; они не могли распылять свои силы. Конфликт с властителями Боспора мог нанести лишь ущерб дружественным отношениям Афин с ними, боспорской торговле афинян, которая имела для Афинского государства огромное значение. Напомним еще раз, что древние авторы характеризуют Перикла как противника авантюристической внешней политики. Плутарх, говоря о мероприятиях Перикла по подчинению Синопы, тут же добавляет: «В других же случаях он противодействовал увлечению сограждан...». Следовательно, мероприятия Перикла в отношении Синопы рассматриваются Плутархом как исключительный случай³⁶. Исходя из всего сказанного, невозможным кажется допущение каких-либо враждебных действий со стороны Афин против боспорских правителей.

Вернемся к высказывавшимся предположениям о связи смены династий на Боспоре с Понтийской экспедицией Перикла. Думается, что эти предположения имеют основание, хотя окончательное решение вопроса и невозможно при имеющемся материале. Но из не оспариваемого и нами предположения о связи этих двух событий вовсе еще не следует, что флот Перикла посетил боспорские города. О том, что огромная эскадра Перикла вошла в Черное море и вмешалась в дела Синопы и, по всей вероятности, Амиса, — на Боспоре, безусловно, очень скоро стало известно. Уже самый факт пребывания афинского флота в Понте Евксином мог привести к серьезному политическому кризису на Боспоре. Можно предположить, что торговые круги Боспора, возглавлявшиеся, вероятно, Спартоком, воспользовались случаем для совершения государственного переворота. Быть может, власть Спартока на первых порах больше устраивала демократические круги Боспора, чем власть свергнутых Археанактидов, и поэтому она получила признание и поддержку демократических Афин. Рассматривать же Спартока в качестве ставленника Афин, а еще более в качестве главы антиафинской группировки на Боспоре нет решительно никаких оснований³⁷. Все источники показывают, что со времени воцарения Спартокидов экономические связи Афин с Боспором все более и более укреплялись и расширялись. Надо полагать, что смена династий на Боспоре и связанные с нею не известные нам ближе события в политической жизни Боспора произошли без прямого вмешательства Афин, а были внутренним делом самого Боспора³⁸.

В результате всего изложенного мы приходим к выводу, что те источники, которыми мы располагаем, не дают достаточных оснований признать сферой деятельности Понтийской экспедиции Перикла все Черноморье, в частности его северное побережье. Наоборот, данные источников заставляют прийти к наиболее вероятному выводу, что флот Перикла не достиг Северного Причерноморья.

В то же время необходимо подчеркнуть то большое значение, которое имела экспедиция Перикла для дальнейшего развития понтийских связей Афин. Она привела к укреплению позиций Афин на ключевых пунктах ко всей понтийской торговле — Чер-

³⁶ Ср. В. П. Бузескул, ук. соч., стр. 264, где автор подчеркивает, что экспедиция Перикла в Понт не преследовала завоевательных целей.

³⁷ Ср. Блаватский, ук. соч., стр. 43 сл., который справедливо подчеркивает сложность политической ситуации на Боспоре. Однако нет, как кажется, достаточных оснований согласиться с В. Д. Блаватским, утверждающим, ссылаясь на Эсхина, что в афинской литературной традиции в завуалированной форме выражено отношение к Спартокидам, как к врагам афинян. См. Жебелев, ук. соч., стр. 189 сл.; ВДИ, 55, № 2, стр. 159.

³⁸ Ср. R. Werner, Die Dynastie der Spartokiden, «Historia», IV, 4 (1956), стр. 2 сл.

номорских проливах ³⁹. Она привела к подчинению афинскому влиянию ряда пунктов на южном (Синопа, Амис), а возможно и западном побережье Черного моря ⁴⁰. Каким образом Афины не пользовались своим владычеством над проливами, особенно ясно видно на примере их мероприятий в этом районе во время Пелопоннесской войны. Укрепление связей с понтийским районом, которое было достигнуто в результате Понтийской экспедиции, имело огромное значение для жизни Афин не только в период, непосредственно следовавший за ней, но и в более позднее время. Без упрочения этих связей и прежде всего без укрепления своей власти на проливах, Афины не были бы в состоянии выдержать длительную борьбу во время Пелопоннесской войны — они были бы очень скоро поставлены на колени. Победа над Афинами стала возможной для их противников только после того, как спартамцам удалось уничтожить власть афинян над проливами, в результате чего Афины лишились продовольственного снабжения ⁴¹.

Понтийская экспедиция имела первостепенное значение и для Боспорского государства. Широкие возможности сбыта продуктов сельского хозяйства и рыбы, которые особенно увеличились в IV в. до н. э., привели к большому расцвету всех сторон жизни Боспора.

И. Б. Брашинский

СТОИМОСТЬ МОНЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ОЛЬВИИ II В БОСПОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В IV в. до н. э.

Изучение античных монет Северного Причерноморья началось давно, однако лишь в последние годы нумизматические памятники стали привлекать для воссоздания картины общего экономического развития греческих городов нашего Юга. Первые шаги в этом направлении были сделаны А. Л. Бертье-Делагардом, но только к настоящему времени в советской науке наметился переход от рассмотрения отдельных групп и разновидностей монет к попыткам восстановления на основе такого анализа хозяйственной истории крупнейших центров античного Причерноморья. Серьезным препятствием на этом пути является прежде всего отсутствие не только корпуса монет Северного Причерноморья, но и каталогов главных монетных собраний СССР. С другой стороны, отдавая дань гиперкритическому отношению к источникам, многие ученые вообще поставили под сомнение возможность получения в данной области прочных выводов. Поскольку показания античных авторов и свидетельства эпиграфических документов не могли быть согласованы с модернизаторскими построениями значительной части нумизматов первой половины текущего столетия, они были объявлены сначала непоятными, а затем и вовсе лишены значения. Такая судьба постигла, в частности, те немногие свидетельства, которые относятся к истории денежного обращения и, в особенности, к обращению кизикских статеров в античном Причерноморье.

Первым письменным источником, содержащим указание на курс кизикинов в Ольвии, является надпись, найденная в 1876 г. в селении Анадолу-Кавак, на азиатском берегу Босфора, среди развалин знаменитого в древности святилища Зевса Урия

³⁹ Некоторые ученые высказали предположение, что Периклом была введена десятипроцентная пошлина за провоз товаров через проливы. См. J. V e l o s h, R. M., XXXIX (1884), стр. 38; ср. Н е в е к а я, ук. соч., стр. 85 сл.

⁴⁰ В одном из фрагментов списка фороса афинских союзников за 425/4 г. с большой вероятностью восстанавливается название Аполлонии Понтийской. См. ATL, I, стр. 116; ср. ВДН, 1955, № 2, стр. 151.

⁴¹ См. F. M i l l n e r, Die Meerengenfrage in der griechischen Geschichte, «Klio», XXVIII (1935), стр. 10 сл.